

ОТГРАНИЧЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ ОТ ГРУППЫ ЛИЦ И ГРУППЫ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

Н. НОСКО,
аспирант кафедры уголовного права № 1 Национального университета
«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»

SUMMARY

The article is devoted to a comparative analysis of these kinds of criminal organizations as an organized group, a group of individuals and a group of persons by prior agreement. Boundary issues, these forms have always caused debate among scientists. In general, expressed a variety of views, which indicated a lack of research into this issue in the theory of criminal law, and in judicial practice. A comparative study based on the analysis of the criminal legislation of Ukraine and the Russian Federation. Defined and argued for the author's position on controversial issues, and also suggestions for further improvement of the criminal law.

Key words: participation, forms of participation, organized group, group of persons, group of persons by prior agreement.

Статья посвящена сравнительному анализу таких видов преступных объединений, как организованная группа, группа лиц и группа лиц по предварительному сговору. Вопросы разграничения указанных форм всегда вызывали дискуссии среди ученых. В целом высказывались самые различные точки зрения, которые свидетельствовали о недостаточном исследовании данного вопроса как в теории уголовного права, так и в судебной практике. Сравнительное исследование проведено на основе анализа уголовного законодательства Украины и Российской Федерации. Определяются и аргументируются позиции автора по дискуссионным вопросам, а также сформулированы предложения по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: соучастие, формы соучастия, организованная группа, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору.

Постановка проблемы. Новеллой Уголовного кодекса (далее – УК) Украины 2001 г. стало закрепление в ст. 28 определения преступлений, совершенных при разных формах соучастия: группой лиц (ч. 1); по предварительному сговору группой лиц (ч. 2), организованной группой (ч. 3) и преступной организацией (ч. 4). Однако до настоящего времени в теории уголовного права отсутствует общепризнанная точка зрения относительно критериев отграничения таких форм соучастия, что создает трудности в следственно-судебной практике.

Целью статьи является формулирование авторской позиции относительно критериев отграничения организованной группы от группы лиц и группы лиц по предварительному сговору на базе УК Украины, а также проведение сравнительного анализа похожих форм соучастия, определяемых в теории уголовного права и законодательстве Российской Федерации (далее – РФ).

Актуальность темы. Среди ученых, которые занимались проблемами соучастия и разграничения указанных форм, такие ученые как Б. В. Волженкин, П. Г. Кригер, Н. Иванов, П. Ф. Тельнов, А. Н. Трайнин, А. П. Козлов, Р. Р. Галиакбаров, А. А. Арутюнов, Л. Глазкова, В. Быков, Н. П. Водько, Н. А. Гуторова, В. А. Навроцкого, М. И. Хавронюка и другие. Недостаточно изученным является вопрос о критериях разграничения форм соучастия.

Изложение основного материала исследования. Рассмотрим

определение понятий «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа», которые предусмотрены либо вытекают из содержания положений уголовного законодательства Украины и РФ.

В ч. 1 ст. 28 УК Украины указывается, что преступление признается совершенным группой лиц, если в нем участвовали несколько (два или более) исполнители без предварительного сговора между собой. Анализ приведенной дефиниции позволяет выделить следующие признаки преступного объединения в форме группы лиц: 1) *количественный* – группа включает два или более участника 2) *роль каждого из участников группы* в совершении преступления – они выступают как исполнители преступления, 3) *степень сплоченности участников группы*, которая характеризуется отсутствием предварительного сговора между ними.

Конкретизируя эти признаки можно отметить следующее. Относительно первого – количественного признака группы, в теории уголовного права и на практике не возникает сомнений – группа имеет место тогда, когда в совершении преступления участвует два или более участников. Что касается понимания того, какими характеристиками должны обладать участники группы, то в литературе и правоприменительной практике не достигнуто единства. Общее правило якобы никем не оспаривается, поскольку речь идет о совершении преступления при соучастии – группой лиц, т.е. о посягательстве нескольких субъектов. Вместе с тем, это правило ставится под сомнение, когда речь идет об отдельных видах преступлений, связанных с причинением вреда лицу. Например, Пленум Верховного Суда (далее – ПВС) Украины разъясняет, что «действия участника группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст.117 УК и в том случае, когда другие участники преступления по причине невменяемости, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или других предусмотренных законом оснований не были привлечены к уголовной ответственности» (ч. 2 п. 14 постановления «О судебной практике по делам об изнасиловании»

от 27 марта 1992 г. с последующими изменениями) [1, с. 193].

Аналогичные разъяснения ранее давали высшие судебные органы РСФСР и СССР по квалификации не только изнасилования, но и грабежа и разбоя [2]. Таким образом, в судебной практике признается возможность квалификации преступления, как совершенного группой лиц и тогда, когда среди участников такого преступного объединения только одно лицо обладает признаками субъекта преступления и оно подлежит уголовной ответственности. Отличное от приведенной позиции мнение заключается в том, что в таких случаях имеет место посредственное исполнение преступления и действия лица, использующего для выполнения объективной стороны преступления несовершеннолетних или невменяемых, должны квалифицироваться как совершение преступления без признаков группы. С таким подходом следует согласиться. Только количественного признака участия в преступлении двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, недостаточно для квалификации посягательства, как совершенного группой лиц. Такому преступному объединению присуща согласованность поведения лиц, направленность посягательства на одного и того же потерпевшего или потерпевших, взаимной помощи, использования односторонних способов совершения преступления и т. п.

Группа может образоваться в силу того, что предшествующее поведение участников давало основания рассчитывать на взаимное содействие в совершении преступления, либо может возникнуть и в процессе выполнения посягательства. Обязательным признаком группы является также то, что каждый из ее участников принимает участие в выполнении объективной стороны преступления. Эту позицию последовательно занимает судебная практика. Нормы, предусматривающие ответственность за преступления, совершенные группой лиц, непосредственно инкриминируют тем, кто полностью или частично выполняет действия описанные в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона, то есть выступает как испол-

нитель или соисполнитель преступления [3, с. 182, 183].

Дискуссионным остается вопрос и о выделении признаков такого преступного объединения как группа лиц по предварительному сговору. Согласно ч. 2 ст. 28 УК Украины, преступление признается совершенным по предварительному сговору группой лиц, если его совместно совершили несколько лиц (два или более), которые заранее, т.е. до начала преступления, договорились о совместном его совершении. Из приведенной нормы вытекает, что к признакам такого вида преступного объединения следует отнести: 1) количественный – два и более лиц; 2) наличие сговора; 3) предварительность такого сговора.

Следует отметить, что группа лиц по предварительному сговору, как форма соучастия, может быть простой (соисполнительство) и сложной (с распределением ролей) [4, с. 223]. Совершению преступления таким преступным объединением присуща повышенная общественная опасность по сравнению с ранее приведенной формой соучастия – группой лиц. Поэтому вполне логичным выглядит решение законодателя о признании указанной формы обстоятельством, отягчающим наказание (п. 2 ст. 61 УК), а также квалифицирующим признаком многих составов преступлений, предусмотренных в Особенной части УК Украины.

Анализируя указанные формы соучастия применительно к российскому уголовному законодательству, можно отметить, что в УК РФ ответственность за совершение данной категории преступлений закреплена в ст. 35, где в ч. 1 указано, что преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. Таким образом, российский законодатель (в сравнении с редакцией частей 1 и 2 ст. 28 УК Украины) объединил в одну форму соучастия – группу лиц, две формы – группу лиц и группу лиц без предварительного сговора при соисполнительстве.

Остановимся подробнее на характеристике приведенных форм соучастия и их сравнении. По мнению

В. Быкова, первое отличие связано с тем, что в группе лиц по предварительному сговору общий сговор на совершение преступления достигается заранее, до его реального осуществления. Сговор на совершение группового преступления отличается от простого согласия, а решение о совместном совершении преступления носит предварительный характер, т.е. существует временной промежуток между принятием решения на совершение группового преступления и его реальным выполнением [5, с. 7].

Второе отличие заключается в психологическом характере самих групп. Группа лиц – это во многом случайная, ситуативная группа, некоторые члены такой группы участвуют в совершении преступления из чувства солидарности, в то время как объединение их в группу носило совсем другие, часто не преступные цели. В преступных группах рассматриваемого вида отсутствуют четкие психологическая и функциональная структуры, не выделяется лидер, решения принимаются коллективно, в основном на фоне конкретной ситуации и нередко под влиянием эмоций. Роли при совершении преступления в группе лиц, как правило, не распределяются – соучастники совершают преступление совместными действиями, сообща. Многие действия соучастников осуществляются без продуманного плана, в соответствии с ситуацией, под влиянием эмоций. Степень сплоченности таких групп небольшая, взаимная зависимость, поддержка и защита в случаях задержания проявляется слабо [5, с. 8].

В доктрине уголовного права высказана и другая точка зрения. В частности, Г. В. Верина указывает на возможное техническое распределение ролей в процессе завладения имуществом, но такое техническое распределение не выходит за пределы исполнения. Похожий подход у А. А. Арутюнова, который обращает внимание на возможность распределения ролей при совершении преступления группой лиц [6, с. 265].

Обобщая изложенное, следует отметить, что закрепление указанной формы соучастия в УК РФ во многом совпадает с решением украинского

законодателя. Отличие состоит лишь в закреплении «общности» как признака группы лиц. По нашему мнению, принадлежность данной формы к институту соучастия уже содержит указание на общность как обязательный (родовой) признак указанной формы.

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Несмотря на то, что в законе прямо не предусмотрено, что участниками группы лиц по предварительному сговору являются несколько исполнителей, эта точка зрения является общепринятой [7, с. 8] в теории уголовного права. В отличие от мнения исследователей судебная практика одновременно с соисполнительством допускает и наличие распределения ролей между участниками. Так, в постановлении ПВС РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указывается: «если кроме соисполнителей в совершении преступления участвовали лица, которые помогали соисполнителям, то их действия квалифицируются как соучастие в форме пособничества по признаку «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц» [2].

По мнению В. Быкова в отличие от группы лиц, преступное объединение в форме группы лиц по предварительному сговору более организовано, состав такой группы в определенной степени стабилизирован, ярко выражена антиобщественная установка, группа переходит к совершению серии часто однородных преступлений, однако пока еще нет четких планов совместной деятельности. В целом, группа лиц по предварительному сговору является как бы промежуточной между группой лиц и организованной группой, поэтому по конкретным уголовным делам в группах этого вида могут быть обнаружены отдельные признаки, как группы лиц, так и организованной группы [5, с. 8].

В отличие от уголовного законодательства РФ, законодательство Украины и уголовная доктрина указывают,

как уже отмечалось, на возможность совершения преступления, как в простой форме, так и в сложной с распределением ролей.

Следующей формой соучастия является организованная группа. В науке уголовного права нет единодушного решения вопроса по поводу содержания понятия и признаков такой группы. Согласно ч. 3 ст. 28 УК Украины, преступление признается совершенным организованной группой, если в его приготовлении или совершении участвовало несколько лиц (три и более), которые предварительно сорганизовались в устойчивое объединение для совершения этого и другого (других) преступлений, объединенных единым планом с распределением функций участников группы, направленных на достижение этого плана, известного всем участникам группы.

Проанализировав приведенную норму, можно выделить следующие основные признаки:

- 1) *наличие нескольких лиц (трех и более);*
- 2) *предварительная, т.е. до начала приготовления или совершения преступления, организованность участников;*
- 3) *устойчивость объединения;*
- 4) *целью создания организованной группы является совершение этого и другого (других) преступлений;*
- 5) *объединение соучастников единым планом;*
- 6) *распределение функций участников, направленных на достижение этого плана, известного всем участникам группы.*

Относительно количественного признака, то при определении законодателем его минимального значения были учтены не только теоретические положения отечественного уголовного права и результаты обобщения судебной практики Украины, но и положительный опыт других государств, положения и рекомендации, содержащиеся в международных нормативно-правовых актах в сфере борьбы с организованной преступностью.

Важно, что организованную группу следует считать созданной с момента достижения между ее участниками договоренности о совершении

первого преступления при наличии плана на дальнейшую совместную преступную деятельность и распределения ролей. Это свидетельствует о повышенной общественной опасности такого преступного объединения.

В п. 9 постановления ПВС Украины от 23.12.2005 года № 13 «О судебной практике о рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях, совершенных устойчивыми преступными объединениями», принятого с целью одинакового и правильного применения судами законодательства при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных преступными объединениями, с такой характерной чертой как устойчивость, указал, что: «Под организованной группой следует понимать внутренне устойчивое объединение трех и более лиц, предварительно созданного с целью совершения ряда преступлений или только одного, который требует тщательной длительной подготовки. Таковую группу следует считать созданной с момента достижения ее участниками договоренности о совершении первого преступления при наличии планов на дальнейшую совместную преступную деятельность» [1, с. 617].

Из анализа приведенного Постановления и ч. 3 ст. 28 УК Украины следует, что в постановлении и в уголовном законе содержится некоторая несогласованность, например, в отношении преступления, с целью совершения которого образуется организованная группа. Так, в УК указывается, что организованная группа создается для совершения «этого и другого (других) преступлений», а в постановлении отмечается, что для «ряда преступлений или только одного, который требует тщательной длительной подготовки», то есть Пленум ограничивает содержание цели обязательной подготовкой к совершению преступления и его длительностью, что является с законодательной точки зрения неправильным.

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких пре-

ступлений. Исходя из приведенного текста, можно выделить четыре признака организованной группы: *она состоит из нескольких физических лиц (двух и более); лица заранее объединились в группу; устойчивость, а также целью группы является совершение одного или нескольких преступлений.*

Стоит отметить, что в УК РФ 1960 г. понятие «организованная группа» не использовалось. Только 1994 г. Федеральным законом РФ были внесены изменения в Общую часть и введен п. 17.1, который предусматривал организованную группу. В постановлении ПВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12. 2002 г. (с изменениями от 06.02. 2007 г. № 7) указано, что «организованная группа характеризуется устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанным планом совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и реализации преступного умысла» [8, с. 28].

Одним из основных признаков организованной группы является ее устойчивость, на что прямо указано в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Так, по мнению В. Быкова, группа лиц по предварительному сговору тоже достаточно устойчива, поскольку между сговором ее членов и совершением группового преступления существует определенный промежуток времени, в течение которого группа не распадается. И все же это разного уровня, разного качества устойчивость. Устойчивость группы лиц по предварительному сговору отличается от устойчивости как признака организованной группы тем, что в первом случае формирование преступной группы еще не завершено, состав ее не стабилизирован, члены группы свободно выходят из нее, так же легко появляются новые участники. Но самое главное отличие заключается в том, что совместная преступная деятельность рассчитана на длительное время [5, с. 8]. Похожее мнение и у Н. Ф. Кузнецовой, которая считает, что «в судебной практике вывод об устойчивости группы часто обосновывается длительностью или

многоэпизодичностью преступной деятельности» [9, с. 207].

Р. Х. Кубов сформулировал данную проблему следующим образом: «действующее законодательство дает очень размытое понятие организованных преступных проявлений. Перед правоприменительной практикой стоит задача поиска формализованного критерия для толкования показателя устойчивости» [10, с. 17].

В качестве такого критерия в российской уголовной доктрине предложено рассматривать количественный критерий. Согласно ч. 3 ст. 28 УК РФ, организованной группой является «группа лиц». Так, Н. П. Водько проанализировав статьи УК 1996 г., подвергает критике традиционную для уголовного права норму о минимальном составе организованной группы – два человека, и вносит предложение о пересмотре указанного научного постулата [11, с. 8]. Поддерживается эта позиция и Т. Н. Ермаковой, которая считает, что для разграничения таких форм соучастия как организованная группа и группа лиц по предварительному сговору, следует увеличить минимальное количество лиц, которые являются членами организованной группы, «до трех и более человек» [8, с. 29]. В отличие от указанной численности, в украинском законодательстве (ч. 3 ст. 28 УКУ) группа признается организованной, если ее участниками являются не менее трех человек.

Устойчивость как признак организованной группы, на наш взгляд, с одной стороны отражает как качественные составляющие явления (сплоченность, стабильность объединения, наличие предварительного сговора между участниками, наличие плана преступной деятельности, распределение ролей, единство цели), так и количественные (количественный состав, длительное существование преступного объединения и т. п.).

Подход по количеству преступлений, для совершения которых создается организованная группа, закрепленный в УК РФ, следует признать более четким. В частности, указывается, что организованная группа создается с целью совершения «одного или нескольких» преступлений, то

есть может совершить одно преступление, а затем прекратить свое существование. Такие ученые, как В. Д. Меньшагин, Б. А. Куринов, Т. Д. Устинова, А. Павлинов, В. Быков считают данное положение, закрепленное в законе недостаточно обоснованным и отмечают, что не может быть устойчивой группа, если она образовалась для совершения одного преступления, а затем распалась, и считают такую группу - группой по предварительному сговору [6, с. 285].

Более того, для стабилизации практики применения закона Р. Р. Галиакбаров предлагает использовать формализованный критерий показателя устойчивости – систему совершения преступных посягательств, то есть совершение преступления три и более раз, третьи и последующие посягательства отражают серьезное увеличение общественной опасности и позволяют отнести преступления в число посягательств, совершенных организованной группой [12, с. 48].

В приведенном постановлении ПВС РФ № 29 в п. 15 содержится положение о том, что об устойчивости организованной группы может свидетельствовать как неоднократность совершения преступления участниками группы, так и длительность подготовки даже одного преступления.

Добавим, что в отличие от ч. 3 ст. 35 УК РФ в ч. 3 ст. 28 УК Украины подчеркивается необходимость наличия единого плана с распределением функций ее участников, направленного на достижение этого плана, известного всем участникам группы.

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что различие между такими формами соучастия как «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» можно провести в зависимости от следующих критериев: 1) по количеству участников; 2) по моменту договоренности; 3) устойчивости объединения и 4) цели объединения.

Кроме того, изложенное позволяет сделать вывод относительно определенных преимуществ и недостатков украинского уголовного законодательства в отношении таких форм соучастия, а это, в свою очередь, дает возможность дальнейшего совершен-

ствования отечественного уголовного законодательства.

Список использованной литературы:

1. Збірник Постанов Пленуму Верховного Суду України (1972–2007). – М. : Видавець ФОРМ Вапнярчук Н. М., 2007. – 720 с.

2. Михлин А. С., Казакова В. А. Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам (с комментариями и пояснениями). – М., 2008. – 1080 с.

3. Навроцький В. А. Основи кримінально-правової кваліфікації : навч. посібник / А. Навроцький. – 2-ге вид. – М. : Юридична література, 2009. – 512 с.

4. Кримінальне право України: Загальна частина : підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін.; За ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тацій. – 4-е вид., перероб. і доповнен. – М. : Право, 2010. – 456 с.

5. Быков В. Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору // Законность 1999. – № 3. – С. 7–9.

6. Арутюнов А. А. Соучастия в преступлении. – М. : Статут, 2013. – 408 с.

7. Алексеев В. А. Уголовная ответственность за хищения, совершение с внедрением служебного положения организованной группой лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990.

8. Глазкова Л. В. Бандитизм и преступные сообщества: вопросы разграничения : монография. – М. : Юристинформ, 2013. – 200 с.

9. Кузнецова Н. Ф. Соучастия в преступлении // Российское уголовное право. Общая часть : учебник / Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева и проф. А. В. Наумова. – М., 1997. – С. 207.

10. Кубов Р. Х. Совершенствование практики применения норм УК РФ об организационных формах преступной деятельности // Российский следователь. – 2006. – № 4. – С. 17.

11. Галиакбаров Р. Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой // Российская юстиция, 2000. – № 4. – С. 48.

12. Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью : науч.-практич. пособие. – М., 2000. – 177 с.

РЕТРОСПЕКЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУКИ СОВЕТСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

С. ОВЧАРУК,

доцент кафедры правоведения

Макеевского экономико-гуманитарного института

SUMMARY

In the article aspects of the formation and development of the science of Soviet administrative law were viewed. The main objective was to analyze the theoretical legacy of the administrative and legal science of the Soviet period and the simultaneous analysis of the subject of modern administrative law from the perspective of the previous period. Comparative law is a separate branch of science knowledge of law. It provides an opportunity to learn different countries law and on the basis of acquired knowledge to suggest ways for improvement.

Key words: administrative law, the science of the Soviet administrative law, public administration.

* * *

В работе исследуются аспекты становления и развития науки советского административного права. Основной задачей является анализ теоретического наследия административно-правовой науки советского периода и одновременный анализ предмета современного административного права под углом зрения прошлого периода и с учетом использования методов сравнительного права. Сравнительное право является обособленной отраслью науки познания права, оно же дает возможность познать как зарубежное право, так и национальное законодательство и на основе полученных знаний предложить пути совершенствования последнего.

Ключевые слова: административное право, наука советского административного права, публичная администрация.

Постановка проблемы. Тема исследования обусловлена наличием двух факторов: феномена конституционного закрепления правовой конструкции «власть без обязанностей и ответственности перед человеком и обществом»; феномена использования современной наукой административного права Украины теоретического наследия советского административного права. Эмпирическую основу исследования составили конституционные и иные акты Украины и зарубежных стран, положительный опыт которых относительно правового регулирования деятельности публичной администрации может быть использован в Украине.

Научно-теоретической основой исследования являются исследования отечественных и зарубежных ученых различных отраслей права и различных исторических периодов, в частности В. Б. Аверьянова, Е. В. Додина, И. Н. Пахомова, С. В. Кивалова, В. К. Колпакова, С. Ф. Кечекьяна, Г. И. Петрова, А. И. Елистратова, Л. В. Головкин, Г. В. Жиркова, В. С. Нерсесянца, П. Сандевуара, Э. Шмидт-Ассманна, Э. К. С. Уэйда, Д. Д. Филиппа.

Основная часть. В учебнике «Административное право Украины» [1, с. 7, 10] констатируется, что «Предмет административного права в той редакции, которая использу-

ется в данное время почти во всех учебниках по административному праву, был определен в ходе дискуссии 1938–1941 гг. Именно тогда было установлено, что предмет административного права – это общественные отношения в сфере государственного управления». Современное видение учеными предмета административного права: «...это совокупность общественных отношений, возникающих в процессе организации и функционирования органов государственного управления, осуществления государственного управления сферами общественной жизни, функционирования административной юстиции и привлечения к ад-